

М.И.Рыхтик, С.В.Усачев

Портрет экономической элиты Никарагуа

**ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ В ПЕРИОД
ПРЕЗИДЕНТСТВА ДАНИЭЛЯ ОРТЕГИ**

В статье рассматривается динамика развития экономической элиты Никарагуа, дается ее характеристика и оценивается способность воздействовать на политические процессы в стране. В ходе анализа эволюции никарагуанского крупного бизнеса установлена его высокая адаптивность к меняющимся общественным условиям. На примере реакции экономической элиты на Сандинистскую революцию 1979 г. выявлены стратегия и тактика предпринимателей по реструктуризации и перегруппировке активов. Отдельное внимание уделяется Высшему совету частного предпринимательства (*Consejo Superior de la Empresa Privada, COSEP*), который является основным выразителем коллективных интересов деловых кругов страны. Дана оценка отношениям никарагуанской элиты с леворадикальным партизанским Сандинистским фронтом национального освобождения (*Frente Sandinista de Liberación Nacional, FSLN*). В ходе трансформации этих отношений стороны прошли путь от открытой конфронтации в конце XX в. до тактического союза в 2010-е годы. В заключении статьи анализируются противоречия между сандинистами и крупным бизнесом, а также оцениваются перспективы транзита власти в Никарагуа.

Ключевые слова: экономические элиты, Никарагуа, сандинисты, крупный бизнес, Даниэль Ортега.

DOI: 10.31857/S0044748X0025402-1

Статья поступила в редакцию 10.12.2022.

Михаил Иванович Рыхтик — доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории международных отношений, директор Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского (РФ, 603005 Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, rykhtik@imomi.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2325-1235>); **Сергей Владимирович Усачев** — младший научный сотрудник, аспирант Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского (РФ, 603005 Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, usach.ser@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-3277-4615>).

Современные теоретики элитизма нередко недооценивают роль экономики во властно-политических отношениях конкретно взятого общества. Они склонны абсолютизировать политическую деятельность и сводить источник общественной власти к правительству, парламенту или другим государственным структурам. Особое внимание сторонники теории элит уделяют воздействию конкретных лиц на политический процесс [1, p. 412]. Однако политика — это всегда продукт коллективной деятельности. Власть получают силы, обладающие ресурсами и инструментами для преобразования общественной системы. В этом смысле экономические группы являются одним из самых влиятельных политических акторов. Эта общественная прослойка занимает высокое социально-экономическое положение, которое позволяет ей прямо или опосредованно воздействовать на жизнь социума [2, p. 120].

Изучение проблемы распределения власти в обществе и значения крупного бизнеса в общественном управлении требует погружения в конкретику и рассмотрения ограниченных по размеру сообществ. Относительно узкие рамки исследования позволяют прийти к важным теоретическим выводам, которые невозможно получить на макроуровне. Именно на частных примерах выводятся особенности властно-политических отношений и связанные с ними гипотезы, которые впоследствии проверяются путем сравнительного анализа. Следует учитывать, что конкретные общественные условия формируют уникальную специфику, и для теоретически обоснованной оценки места экономической элиты в социально-политической системе необходимо рассматривать разные национальные группы в совокупности и на основании этого выделять закономерности общественного развития. Поэтому исследование поставленного вопроса не должно ограничиваться изучением частных примеров.

Методологической основой данной статьи являются неоэлитаристские концепции, в рамках которых в центр общественной власти ставится экономическая и политическая элиты, контролирующие государственный аппарат, основные финансовые институты и отрасли экономики. При этом исследуемая властная группа не является однородной, и внутри нее могут развиваться разногласия и конфликт интересов. Тем не менее представители элиты объединены общими ценностями и заинтересованы в сохранении существующей системы [3, сс. 334-335]. Анализ в рамках этой парадигмы дополняется историческим подходом, который позволяет рассматривать явления во всей полноте в процессе исторического развития и проследить их эволюцию от прошлого к настоящему.

В рамках данного исследования анализируется роль бизнес-групп в общественно-политической жизни Никарагуа. Выбор в качестве объекта изучения центральноамериканского государства с моделью экспортоориентированной экономики обусловлен институциональной слабостью властных органов и остротой социального конфликта в стране. Это позволяет довольно четко выделить существующие экономические и политические противоречия, а также точно охарактеризовать отношения крупного бизнеса и государства. Предметом анализа является никарагуанская деловая элита, рассматриваемая как динамичная группа, которая видоизменяется под воздействием постоянно меняющихся экономических и политических условий. Таким об-

разом, цель статьи — показать определяющее влияние бизнес-групп Никарагуа на управление государством и обществом.

Экономическая элита Никарагуа довольно активно изучается зарубежными авторами [2; 4-9]. Например, норвежский политолог Бенедикт Булл исследует, как бизнес-группы Центральной Америки используют слабость общественных институтов страны для отстаивания своих частных интересов [2, p. 120]. Соперничество местных экономических групп после Сандинистской революции 1979 г. за влияние на государство и исполнительную власть описывает никарагуанский социолог Эльвира Куадра Лира [7, p. 87]. Американский политолог Роуз Сполдинг прослеживает эволюцию никарагуанской экономической элиты с начала XX в. до современности [4, p. 154]. По мнению аргентинского исследователя Антонио Монте Касабланки, сближение политических партий и экономических кругов в Никарагуа доказывает определяющую роль бизнеса в управлении обществом [9, p. 512].

В то же время российские авторы феномен никарагуанской экономической элиты системно почти не рассматривают. Системная оценка участия крупного бизнеса в управлении государством дана в коллективном аналитическом труде по Никарагуа, выпущенном Институтом Латинской Америки (ИЛА РАН). В нем авторы признают столкновение интересов национальных бизнес-групп и правительства сандинистов и отмечают влияние местной экономической элиты на политическую систему страны [10, с. 47]. Упоминания о роли деловых кругов встречаются и в других работах российских ученых, однако речь идет, скорее, о констатации факта, а не об основательном изучении этого вопроса [11-14]. Таким образом, научная новизна рассматриваемой темы связана с ее недостаточной разработанностью.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В XX в.

Экономическая элита Никарагуа исторически сформировалась вокруг крупных землевладельцев, которые занимались экспортом кофе, хлопка и крупного рогатого скота. В частности, к ним относилась семья Сомоса, представители которой управляли государством в 1936—1979 гг. В 1970-е годы благодаря развитию агропромышленности и накоплению большого капитала экономические группы страны начали проникать в новые отрасли, особенно в банковскую сферу [4, p. 153]. Экономическая борьба между отдельными группами элиты приняла ожесточенный характер: семья Сомоса использовала контроль над органами власти для защиты бизнес-интересов и борьбы с конкурентами. Недовольство политикой президента Никарагуа Анастасио Сомосы (1967—1972; 1974—1979 гг.) подтолкнуло к объединению остальные экономические группы во главе с семьей Пельяс, занимавшейся экспортными перевозками и сахарным бизнесом. Политическим центром «антисомосистской» элиты стал Высший совет частного предпринимательства (*Consejo Superior de la Empresa Privada, COSEP*) — ассоциация ведущих никарагуанских бизнесменов. Открытый террор против его представителей привел к сближению организации с леворадикальным партизанским Сандинистским фронтом национального освобождения (*Frente Sandinista de Liberación Nacional, FSLN*). Ущемляемый

семьей диктатора бизнес фактически финансировал на последнем перед революцией этапе деятельность сандинистов, обеспечивал его информационную поддержку и даже вел переговоры с международными акторами, призывая их порвать связи с семьей Сомоса [4, р. 154].

Таким образом, формирование экономической элиты как самостоятельной политической силы происходило на базе аграрного сектора и развития экспорта продуктов первичной обработки. Плантации и пастбища были главным источником экономического обогащения, а владение землей обеспечивало контроль над государственным аппаратом. По этой причине общественная система Никарагуа середины XX в. характеризуется преобладанием крупных землевладельцев из семьи Сомоса. Управляя госаппаратом, этот клан получил доступ к большим финансам, наладил прямой контакт с иностранным капиталом и активно подавлял остальных предпринимателей. Для победы над бизнес-монополией Сомосы конкурирующая часть элиты объединила усилия и ресурсы, создав один из важнейших формальных инструментов защиты своих интересов — *COSEP*.

САНДИНИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЫНУЖДЕННАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БИЗНЕСА

Финансовая поддержка «антисомосистской» элитой партизанского движения стала одним из факторов, ускоривших падение авторитарного режима. Однако надежды никарагуанских бизнесменов на «неприкосновенность» их собственности после победы сандинистов не оправдались. Революционный поток населения оказался таким сильным, что элита не смогла ему противостоять [9, р. 509]. В результате Сандинистской революции 1979 г. земли латифундистов были экспроприированы, национализированы банковская система и внешняя торговля. Правительство лидера *FSLN* Даниэля Ортеги (1985—1990; 2007 — н/в) взяло курс на сближение с социалистическим лагерем [6, р. 124]. Деятельность сандинистов вынудила экономическую элиту покинуть страну, спасая капитал за границей. Семья Бальтодано, лишившись кофейных плантаций, перенесла свой бизнес (*MERCON*) в США и переориентировалась на импорт кофе. Семья финансистов Коэн создала в Соединенных Штатах предприятие по обмену валюты, а вскоре стала эксклюзивным представителем *Western Union* в Центральной Америке. Банковских активов в Никарагуа также лишилась богатейшая семья страны Пельяс. В результате они вложились в финансовый сектор в Коста-Рике и основали банк в США. При этом им удалось сохранить на родине розничный бизнес по продаже мотоциклов *Suzuki*, а также предприятия сахарной промышленности. Избежала вынужденного переезда семья Лакайо, управлявшая крупной дистрибуторской фирмой *CALSA* [5, р. 65].

После свержения Сомосы никарагуанская элита вынужденно развивала бизнес за пределами родины. Интернационализация способствовала формированию нового поколения бизнесменов, воспитанных в университетах США и получивших опыт, необходимый для ведения международного бизнеса. Именно в эти годы сложились такие финансово-промышленные группы, как *LAFISE* (Самора-Льянес), *Ayucis* (Фернандес-Ольманн) и

Promerica (Ортис) [5, p. 150]. Распространяя деятельность по всей Центральной Америке, никарагуанская элита рассчитывала рано или поздно вернуться в Никарагуа. Одновременно с этим *COSEP* продолжал отстаивать интересы бизнеса на родине и был одним из главных оппозиционных центров того времени. Оказывая давление на леворадикалов, предприниматели надеялись вернуть экспроприированные активы и в перспективе обрести контроль над новоорганизованной государственной собственностью [6, p. 120]. Оснований для таких надежд было достаточно. В Соединенных Штатах президентом стал Рональд Рейган (1981—1989 гг.), открыто поддерживавший свержение просоциалистических правительств по всему миру. Центральное разведывательное управление финансировало деятельность так называемых контрас — повстанцев-антикоммунистов, вступивших в вооруженную борьбу с *FSLN*. К 1985 г. стало понятно, что СССР сконцентрируется на внутренней политике и не будет вступать в конфронтацию с геополитическим противником из-за Никарагуа [15, с. 506].

В 1990 г. сандинисты, ослабленные противостоянием с США, проиграли выборы умеренной оппозиции, электоральную программу которой финансировали американские фонды. Президентом стала Виолета Барриос Чаморро (1990—1997 гг.), связанная с семьей коммерсантов Лакайо. Она окружила себя представителями предпринимательской среды, которые руководили процессом переустройства государства на неолиберальной платформе [5, p. 172]. Никарагуа вступила в период либерализации экономики и массовой приватизации. Сложились благоприятные условия для возвращения транснационализированной экономической элиты на родину. Так как никарагуанский рынок был слишком маленьким и нестабильным, экономические группы не столкнулись с большой конкуренцией со стороны западных корпораций. Это позволило в короткие сроки взять под контроль ключевые отрасли государства. В частности, в банковской отрасли с 1990-х годов доминируют семьи Ортис (*Banpro*) и Самора-Льянес (*Lafise-Bancentro*). В то же время между финансовыми подразделениями и другими бизнесами экономических групп не сложилось прочных связей, в связи с чем они развиваются обособленно. Банковская деятельность носит региональный характер, обеспечивая операции между центральноамериканскими государствами, а прочие предприятия делают акцент на локальном развитии, стремясь монополизировать внутренний рынок [5, p. 150].

Вынужденный исход никарагуанской элиты в 1980-е годы стимулировал ее превращение из преимущественно аграрной в финансово-промышленную. Потеряв контроль над землей, бизнес диверсифицировался в банковский сектор, хотя в Никарагуа остались их предприятия агроиндустрии и импортной торговли. Главным инструментом экономической элиты по-прежнему была организация *COSEP*, которая в 1980-е годы прямо конфликтовала с сандинистским правительством. Партизаны «контрас» и давление США ограничивали деятельность *FSLN* и подрывали устойчивость государства. Экономическая элита была готова к возможным политическим потрясениям. В 1990-е годы никарагуанские холдинги, получившие опыт ведения бизнеса за границей, быстро взяли под контроль ключевые отрасли экономики. Бизнес стал принимать непосредственное участие в формировании и реализации внутренней политики государства. Деловые круги ис-

пользовали финансовые ресурсы из бюджета для обновления производственной базы и адаптации к меняющимся международным условиям.

НИКАРАГУА НА РУБЕЖЕ XX—XXI вв. КАК ОБРАЗЕЦ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БИЗНЕСОМ И *FSLN*

Период с конца XX по начало XXI в. можно охарактеризовать как ожесточенную борьбу различных фракций экономической элиты за контроль над бюрократическим аппаратом. Среди партийной верхушки *FSLN* также появились предприниматели, которые обрели определенные экономические интересы, в том числе родственники партийного лидера Д.Ортеги [8]. Деятельность *COSEP*, прежде выражавшая позицию большинства элиты, оказалась парализована. В условиях борьбы за локальные рынки между бизнесменами обострились политические и экономические разногласия. Госаппарат стал инструментом перераспределения власти и ресурсов. Приоритетом для экономической элиты стало налаживание личных контактов с окружением главы государства [16]. Например, президент Арнольдо Алеман (1997—2002 гг.) настойчиво защищал интересы кофейного бизнеса [4, р. 161].

Отсутствие единства в правом лагере и высокая социальная напряженность подталкивали бизнес к поиску компромиссов с сандинистами. Несмотря на поражение на выборах, *FSLN* оставался влиятельной и популярной общественной силой, которая могла мобилизовать свой электорат для давления на власть. Сотрудничество с сандинистами должно было защитить частные экономические интересы от потенциальных перегибов со стороны слабо предсказуемых правых партий. Наконец, конфликт с *FSLN* мог помешать реализации неолиберального курса [17, р. 121]. В то же время левая партия, стремясь адаптироваться к внутривнутриполитическим изменениям, отказалась от жесткой конфронтации с капиталом. Лидеры сандинистов начали искать точки соприкосновения с деловыми кругами [18]. Первый шаг в направлении кооперации с левыми сделала семья Пельяс. В 2002 г. президент А.Алеман продвигал законопроект об отмене импортных пошлин на сахар, что было прямой атакой на интересы сахарной монополии Карлоса Пельяса. Чтобы предотвратить принятие такого закона, представители богатейшего никарагуанского клана вступили в переговоры с Д.Ортегой, в результате чего *FSLN* заблокировала негодный законопроект [5, р. 173].

Непопулярная среди населения политика правых президентов и многочисленные коррупционные скандалы сделали обстановку в стране неустойчивой. Сандинисты оказались единственной политической силой, обладавшей достаточным авторитетом и внутривнутрипартийной дисциплиной, чтобы управлять общественными процессами. Их победа на приближавшихся выборах 2006 г. была фактически предопределена. Опасения никарагуанской элиты по поводу возвращения Ортеги к власти подтолкнули их к внутренней консолидации. Оживился диалог в рамках *COSEP*, к ассоциации присоединялись объединения предпринимателей из новых отраслей. «Старые» бизнесмены, противостоявшие левым в 1980-е годы, всерьез рассматривали вариант открытой конфронтации, вплоть до вооруженной борьбы. Однако молодые поколения мыслили прагматично. Тем более что

Ортега подавал сигналы о готовности к достижению компромисса с экономической элитой и созданию совместной «правлящей коалиции» [9, p. 138]. Осознавая огромные издержки от прямого конфликта с левыми, новые руководители *COSEP*, не обремененные личными обидами, пошли им навстречу. К участию в работе бизнес-ассоциации был открыт доступ «сандинистским» бизнесменам: например, окружению бывшего партизана Байярдо Арсе Кастаньо (*Agricorp, Interbank, Invercosa*) и пасынка лидера *FSLN* Рафаэля Ортеги Мурильо (*Albanisa, URBISA*). Сближение с *COSEP* способствовало усилению предпринимательского крыла в *FSLN* и расширению контактов партии с никарагуанским бизнесом [4, p. 166].

Накануне выборов 2006 г. экономическая элита через бизнес-ассоциацию выдвинула Ортеге следующие условия для заключения союза:

- предотвратить наиболее радикальные требования рабочих и крестьян;
- привлечь иностранные инвестиции в экономику и нарастить экспорт товаров агропромышленности;
- решить проблему острого энергетического «голода», удовлетворив растущие топливные запросы бизнеса. В свою очередь *FSLN* гарантировалось невмешательство в политическую сферу, помощь в реализации различных социальных программ и готовность вести регулярные совещания по важному для сандинистов вопросу повышения минимальной оплаты труда [4, pp. 171-172].

Как показали дальнейшие события, стороны действительно заключили это джентльменское соглашение и продолжительное время следовали ему. *COSEP* консультировал правительство Ортеги в рамках специально организованных рабочих групп и де-факто контролировал экономическую политику Никарагуа. В состав советников вошли представители главных деловых семей страны — Пельяс, Ортис и Самора-Льянес [4, p. 174]. Крупный капитал получал налоговые льготы, госконтракты, финансовые и транспортные субсидии. Проблема энергетического дефицита была решена за счет выгодных поставок нефти из Венесуэлы. Сандинистское правительство также обеспечило приток кредитов и прямых инвестиций как по линии Боливарианского союза для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*), так и по линии глобальных финансовых институтов: Всемирного банка (ВБ), Международного валютного фонда (МВФ) и Центральноамериканского банка экономической интеграции (ЦАБЭИ). Никарагуанский экспорт (говядина, сахар, кофе, золото и молочные продукты) активно увеличивался, чему в немалой степени способствовало расширение торговли с Венесуэлой. В социальной сфере, благодаря широким общественным программам, утвердился патернализм, который по сей день позволяет сглаживать общественные противоречия и ослабляет оппозицию сандинистов. Реформы, направленные на укрепление вертикали власти, сделали национальную политику более предсказуемой и маргинализировали радикальные течения, затруднив формирование широкого и организованного сопротивления действующей власти [9, pp. 49-50].

В период 2007—2016 гг. экономическая элита заметно преумножила капитал и диверсифицировала бизнес, развернув деятельность не только в новых секторах национальной экономики, но и продолжив экспансию в

других странах региона. Например, экономическая группа Пельяса ведет туристический, банковский и розничный бизнес в сотрудничестве с центральноамериканскими и западными бизнесменами в Коста-Рике, Гватемале, США, Сальвадоре и Панаме [5, p. 90]. Исходя из этого, можно утверждать, что пребывание *FSLN* во главе правительства не противоречит коренным интересам большинства никарагуанских бизнесменов. Правящая группа Ортеги-Мурильо и национальная экономическая элита находятся во взаимозависимости, их интересы пересекаются. Свидетельством этого служит активное участие никарагуанских магнатов в переговорах 2012 г. и 2016 г. с официальными лицами конгресса США по предоставлению кредитов сандинистскому правительству, несмотря на обвинения в фальсификации выборов и подавлении оппозиции [4, p. 177].

Тем не менее близость интересов экономической элиты и государства не означает отсутствия конфликтов и угрозы будущего раскола. В 2018 г. глобальная экономика пережила серьезный финансовый обвал, который особенно ударил по отстающим странам. К тому моменту прежде успешная экспортоориентированная экономическая модель Никарагуа прошла пик, накопив ряд структурных изъянов. Национальная экономика впала в рецессию, а финансовые возможности государства значительно сократились [9, p. 497]. Правительство Ортеги снова обратилось к международным кредиторам, которые в обмен на кредиты потребовали реализации мер жесткой экономии и проведения непопулярных реформ. Катализатором общественных волнений стал проект преобразований пенсионной системы, вызвавший в апреле 2018 г. всплеск народного недовольства. Страну охватили массовые протесты крестьян, индейцев, студентов и оппозиционных активистов [19, p. 8]. Определенную роль в расширении охвата демонстраций сыграл никарагуанский бизнес. Односторонние решения правительства по вопросу реформ без консультаций с предпринимателями и *COSEP* привели к эрозии тактического союза сандинистов и экономической элиты. Часть деловых кругов более не считала себя связанной сложившимися после 2006 г. «правилами игры» [9, p. 83; 20]. Другим принципиальным моментом стали изменения в распределении государственных концессий, контрактов и субсидий. В условиях снижения объемов финансирования средства из бюджета стали чаще получать предприниматели, занимавшие партийные должности в *FSLN*, и бизнесмены, связанные с семьей президента. Это вызывало раздражение остальной части никарагуанской элиты, которая утратила доступ к ценному источнику финансов [19, p. 11].

На волне социального возмущения при поддержке крупного капитала стали возникать новые оппозиционные организации, объединившие активную и амбициозную молодежь. Наиболее влиятельными из них являются возглавляемый представителями *COSEP* Гражданский альянс за справедливость и демократию (*Alianza Cívica por la Justicia y Democracia, ACJD*) и широкий блок левых и центристов Национальный союз сине-белого флага (*Unidad Nacional Azul y Blanco, UNAB*). Хотя идеологические ориентиры этих движений различаются, перед ними стоит общая цель — «демократизация политической системы» и отстранение *FSLN* от рычагов власти [10, с. 49]. Угроза появления политической альтернативы сандинизму подтолкнула правительство Ортеги к силовым методам борьбы. К концу 2018 г.

полиция и армейские части погасили основные очаги протестов. Главные задачи оппозиции не были достигнуты. Тем не менее, благодаря общественным волнениям никарагуанская деловая элита получила новый инструмент давления на сандинистов [9, р. 90]. Обновленное оппозиционное движение может стать как предметом торга в случае создания нового пакта между бизнесом и правительством, так и основой для формирования новой правящей группы, с которой экономическая элита уже наладила контакты и понимает, что от нее ожидать.

Несмотря на успешное подавление антиправительственных выступлений, авторитет сандинистов среди населения заметно упал. Пандемия коронавируса только усугубила неблагоприятный общественный климат. В этот период начало расти социальное неравенство, а экономическое положение большинства социальных групп ухудшилось [11, с. 93]. Способность *FSLN* канализировать общественное недовольство заметно снизилась. Именно опасения выхода протестов из-под контроля в 2018 г. и связанные с этим экономические издержки способствовали сближению бизнеса и правительства в поисках компромисса [21]. Резкой оказалась и международная реакция на протесты в Никарагуа: многие латиноамериканские государства осудили действия *FSLN* и Ортеги, а санкции США в ответ на аресты оппозиционеров ударили по сотрудничеству с центральноамериканскими соседями и даже с дружественной Венесуэлой [11, с. 94]. Наконец, продолжает развиваться конфликт семьи Ортеги-Мурильо с другими деловыми кланами. Как и династия Сомосы, «сандинистская» экономическая группа использует госаппарат для сохранения монополии в горнодобывающей отрасли, топливном секторе и деревообработке, а также исключительного права реализации совместных проектов с иностранными ТНК. Бизнес Ортеги-Мурильо занимает ведущие позиции в медиасфере, контролируя внутреннюю повестку. В рамках монополизации информационной сферы сандинисты вступили в союз с мексиканским магнатом и владельцем крупной медиаконцерны *Albavisión* Ремихио Анхелем Гонсалесом, вместе с которым они делят медиарынок в Никарагуа [14, с. 82; 22]. В этих условиях все больше представителей никарагуанской элиты стали с подозрением относиться к деятельности семьи Ортеги, всерьез рассматривая угрозу экспроприации их собственности или ухудшения условий ведения бизнеса в стране [12, с. 201].

БУДУЩЕЕ ДИАЛОГА МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ САНДИНИСТОВ И ЭЛИТОЙ НИКАРАГУА

События последних лет показывают, что дестабилизация сандинистского правительства идет вразрез с интересами крупного никарагуанского бизнеса. Экономический ущерб, нанесенный протестами 2018 г. и последующими социальными взрывами, крайне негативно повлиял на деятельность местной элиты. В условиях эрозии негласного пакта с сандинистами и роста общественной неопределенности деловым кругам крайне важно сохранить контроль над обстановкой в стране и избежать серьезных потрясений [9, р. 518]. В этом смысле показательна позиция одного из главных сторонников диалога с *FSLN* — миллиардера и сахарного магната К.Пельяса.

Несмотря на определенные издержки, которые несет для холдинга *Grupo Pellas* продолжение сотрудничества с сандинистами, он не выступает против *FSLN* [23]. Однако вопрос переустройства отношений между государством и экономической элитой уже назрел и в ближайшие годы определит динамику общественного развития Никарагуа.

Будущее отношений бизнеса и правительства будет зависеть от трех основополагающих факторов. Первый касается политического транзита власти. В среднесрочной перспективе окружение Ортеги будет вынуждено уйти. Для никарагуанской элиты важно, чтобы его преемник продолжил действующий курс, но при этом пересмотрел некоторые непопулярные в деловых кругах решения сандинистов. В условиях роста социальной напряженности для крупного бизнеса предпочтителен «мягкий» сценарий, где власть бы перешла к новому президенту естественным путем через выборный процесс. Многие эксперты выделяют в качестве вероятного кандидата сына видного лидера «контрас» Артуро Круса, которого поддерживают некоторые никарагуанские олигархи [11, с. 99]. Откладывание решения данного вопроса может привести к нежелательным для элиты общественным последствиям, которые напрямую ударят по их экономическим интересам.

Второй фактор связан с давно назревшей налоговой реформой. С одной стороны, благодаря многочисленным лазейкам, крупный капитал уходит от уплаты налогов и пользуется разнообразными льготами. Сандинистское правительство закрывало на это глаза, лишь в редких случаях прибегая к судебному арбитражу [4, р. 178]. С другой стороны, о необходимости более справедливого распределения налогового бремени говорят даже в МВФ, увязывая эту проблему с выдачей новых кредитов. Долгое время правительство и бизнес не могут прийти к консенсусу и постоянно откладывают реализацию реформы. Совершенствование налоговой системы и устранение в ней множества лазеек невыгодно обеим сторонам. Экономическая элита может лишиться доступа к финансовым ресурсам, которые обеспечивают дополнительный капитал для развития. Правительство может потерять важный инструмент давления и стимулирования предпринимательской деятельности, который можно использовать как «козырь» при переговорах с деловыми кругами.

Третьим важным фактором является неопределенность в отношении никарагуано-венесуэльского сотрудничества. С момента сближения с Каракасом в 2007 г. Венесуэла превратилась в третьего по значимости экономического партнера для Никарагуа после США и Центральной Америки. Венесуэльский рынок стал крайне значимым местом сбыта экспортной продукции национального бизнеса и обеспечил ему возможности расширения деятельности на Южную Америку [4, р. 172]. Льготные поставки нефти из Венесуэлы помогли решить проблему дефицита электроэнергии и подстегнули экономический рост Никарагуа. Значительные денежные ресурсы, которые получала страна в рамках сотрудничества с *ALBA*, обеспечили обновление инфраструктуры и усовершенствование производственной базы агропромышленности. В условиях глубокого кризиса и санкций Венесуэла уже не может предоставлять в больших объемах помощь своему союзнику. Бизнес выражает беспокойство: вероятность потерять важный источник финансов и выгодного топливного сырья ставит под угрозу даль-

нейшее развитие страны. В этой ситуации правительству требуются новые экономические партнеры, которые дадут элите то, что сейчас не может обеспечить Венесуэла.

Эволюция экономической элиты Никарагуа дает основания охарактеризовать ее как мобильную и адаптивную общественную силу, которая обладает широким набором инструментов политического влияния. В период до Сандинистской революции элита создала капитал благодаря экспорту кофе, хлопка и мяса. В это же время в деловых кругах сформировалось неприятие злоупотребления политической властью, что привело к противостоянию с крупнейшим кланом страны, контролировавшим госаппарат. В качестве противовеса сложилась ассоциация *COSEP*, которая с момента создания является основным представителем интересов частного бизнеса. В постреволюционный период элита приступила к региональной экспансии в связи с утратой основного бизнеса в Никарагуа. Бизнес потерял контроль над землей и сконцентрировался на банковской и промышленной деятельности. Благодаря вложениям в соседние центральноамериканские страны и США элита не только не потерпела убытки, но и извлекла хорошую прибыль. Локально-ориентированные экспортные компании превратились в финансово-промышленные конгломераты с развернутой сетью международных партнеров. В период неоллиберализма, начавшийся в 1990-е годы, знакомые с местной спецификой бизнесмены участвовали в приватизации и организовали в стране бизнес на новых принципах: вокруг агроиндустрии, недвижимости, торговли импортными товарами и банковской деятельности. Возвращение к власти *FSLN* не привело к отказу от неоллиберальной политики и только упрочило никарагуанскую элиту на национальном рынке.

В политическом отношении прослеживается стремление элиты использовать *COSEP* как основной инструмент защиты своих интересов. Бизнес не заинтересован в управлении государством напрямую. Приоритетами являются опосредованный контроль за финансово-экономической политикой и взаимодействие с исполнительной властью и ведущей партией в парламенте. Когда представители экономических групп прямо управляют госаппаратом (семья Сомоса или Ортега-Мурильо), остальная никарагуанская элита способна объединить усилия и противостоять правящей группе. Например, в нынешних обстоятельствах обострение разногласий между «сандинистской» группой и остальной частью элиты привело к возрождению оппозиционного движения в Никарагуа. В момент прихода *FSLN* к власти в 2007 г. негласное «соглашение» с левыми позволило бизнесу извлечь максимальные экономические выгоды ценой отказа от соперничества за государственный аппарат. Когда в 2018 г. экономическая обстановка ухудшилась, встал вопрос о поиске нового баланса сил. Ответом на усиление влияния семьи президента стала активизация оппозиционного фронта при содействии *COSEP*. Таким образом, экономическая элита страны тактически действует так же, как и перед Сандинистской революцией. Однако в данном случае сценарий насильственного отстранения семьи Ортеги-Мурильо от власти выглядит для бизнеса нежелательным, поскольку связан с высокими рисками. С большой вероятностью деловые круги Никарагуа будут стремиться к достижению

компромисса с действующей властью или к «мягкому» транзиту, принимая во внимание нестабильную международную обстановку.

Исследованная модель взаимодействия экономических групп и государства может быть применена и к другим странам со схожим экономическим устройством и политическим режимом. При этом важно отметить, что при конкретных особенностях исторического развития стратегия и тактика экономической элиты неизбежно будут отличаться. Тем не менее, рассмотренная модель поведения деловых кругов отражает в общем виде стремление бизнеса к диверсификации, использованию бюрократического аппарата для защиты своих интересов и готовности к компромиссам и тактическим союзам в случае угрозы потерять власть или капитал. Анализ политических и экономических условий общественного развития на примере Никарагуа показывает, что экономическая элита способна всесторонне влиять на общественно-экономическое развитие государства. Для защиты интересов отдельных бизнесменов и всей элиты в целом она использует как экономические, так и политические инструменты. Не умаляя возможности влияния широких масс на общественное развитие, следует констатировать, что государство находится под контролем политико-экономической элиты, которая в той или иной степени справляется со стихийными рисками национального и международного характера.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. The Palgrave Handbook of Political Elites. Edited by H. Best, J. Higley. London, Palgrave Macmillan, 2018, 698 p.
2. Bull B. Towards a Political Economy of Weak Institutions and Strong Elites in Central America. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, CEDLA. Amsterdam, 2014, N 97, pp. 117-128.
3. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М., МГИМО-Университет, 2010, 600 с. [Ashin G.K. Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost' [Elitology: history, theory, modernity]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2010, 600 p. (In Russ.).
4. Spalding R.J. Los empresarios y el estado posrevolucionario: El reordenamiento de las élites y la nueva estrategia de colaboración en Nicaragua. *Anuario de Estudios Centroamericanos*, Universidad de Costa Rica. San José, 2017, Vol. 43, pp. 149-188. (DOI: <https://doi.org/10.15517/aeca.v43i0.31556>)
5. Bull B., Castellacci F., Kasahara Y. Business Groups and Transnational Capitalism in Central America: Economic and Political Strategies. London, Palgrave Macmillan, 2014, 225 p.
6. Martí i Puig S., Sánchez-Ancochea D. Democracia elitista y mercado excluyente en Centroamérica. En: *Élites en las Américas: diferentes perspectivas*. Compilado por A. Codato, F. Espinoza. Curitiba, UFPR, 2018, 384 p.
7. Cuadra Lira E. Las elites y los campos de disputa en Nicaragua: una mirada retrospectiva. *Península*, CEPHCIS UNAM. México, 2016, Vol. 11, N1, pp. 85-10. (DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pnsia.2016.01.004>)
8. Nicaragua Elites and Organized Crime: Introduction. *InSight Crime*. 15.07.2021. Available at: <https://insightcrime.org/investigations/nicaragua-elites-organized-crime-introduction/> (accessed 30.02.2022).
9. Anhelos de un Nuevo Horizonte: Aportes para una Nicaragua Democrática. Ed. Cortés Ramos A., López Baltodano U., Moncada Bellorin L. San José, FLACSO, 2020, 738 p.
10. Никарагуа: эволюция революции. Отв. ред. Давыдов В.М.; авт. колл. Калашников Н.В., Кодзоев М.А.-М., Константинова Н.С., Морозов Д.В., Николаева Л.Б., Пятаков А.Н., Харламенко А.В. М., ИЛА РАН, Серия «Саммит», 2021. 168 с. [Nicaragua: evoluytsiya

revolyutsii [Nicaragua: evolution of revolution]. Otv. red. Davydov V.M.; avt. koll. Kalashnikov N.V., Kodzoev M.A.-M., Konstantinova N.S., Morozov D.V., Nikolaeva L.B., Pyatakov A.N., Kharlamenko A.V. Moscow, ILA RAN, Seriya «Sammit», 2021, 168 p. (In Russ.).

11. Морозов Д.В. Никарагуа: кризис власти и выборы 2021 г. *Иberoамериканские тетради*. М., 2021, Т. 9, №1, сс. 89-101 [Morozov D.V. Nicaragua: krizis vlasti i vybory 2021 g. [Nicaragua: crisis of power and elections of 2021]. *Iberoamerikanskije tetradi*. Moscow, 2021, vol. 9, N 1, pp. 89-101 (In Russ.). (DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-89-101>)

12. Морозов Д.В., Калашников Н.В. Никарагуа: от модели «консенсуса» к авторитаризму. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2022, №34, сс. 193-217. [Morozov D.V., Kalashnikov N.V. Nicaragua: ot modeli «konsensusa» k avtoritarizmu [Nicaragua: from «consensus» model to authoritarianism]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manakh*. Moscow, 2022, N 34, pp. 193-217 (In Russ.).

13. Будаев А.В. Уроки никарагуанского «майдана». *Латинская Америка*. М., 2019, №2, сс. 5-16. [Budaev A.V. Uroki nikaraguanskogo «maidana» [Lessons of Nicaraguan «maidan»]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2019, N 2, pp. 5-16 (In Russ.). (DOI: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0003708-7>)

14. Дабагян Э.С. Никарагуа: секреты политического долголетия президента. *Иberoамериканские тетради*. М., 2021, Т. 9, № 1, сс. 76-88. [Dabagyan E.S. Nicaragua: sekrety politicheskogo dolgoletiya prezidenta [Nicaragua: secrets of political longevity of the president]. *Iberoamerikanskije tetradi*. Moscow, 2021, Vol. 9, N 1, pp. 76-88 (In Russ.). (DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-76-88>)

15. История международных отношений: в трех томах. Т. III: Ялтинско-Потсдамская система. Под ред. Торкунова А.В., Наринского М.М., Дубинина Ю.А.; авт. колл. Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Наринский М.М., Юрьева Т.В. М., Аспект Пресс, 2012, 552 с. [Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: v trekh tomakh. T. III: Yaltinsko-Potsdamskaya sistema. Pod red. Torkunova A.V., Narinskogo M.M., Dubinina Ju.A.; avt. koll. Dubinin Ju.A., Martynov B.F., Narinskij M.M., Jur'eva T.V. Moscow, Aspekt Press, 2012, 552 p. (In Russ.).

16. Elites in Search of a National Project? *Revista Envio*, UCA. Managua, 1994, N 158. Available at: <https://www.envio.org.ni/articulo/1796> (accessed 29.09.2022).

17. Cannon B. The right in Latin America: elite power, hegemony and the struggle for the state. New York, Routledge, 2016, 179 p.

18. Houtart F. Crisis in the FSLN: Class Conflict. *Revista Envio*, UCA. Managua, 1994, N 158. Available at: <https://www.envio.org.ni/articulo/1795> (accessed 29.10.2022).

19. Martí i Puig S. Nicaragua: Análisis de una crisis inesperada. *Documentos de Trabajo*, Fundación Carolina. Madrid, 2019, N 10, 23 p.

20. Once allies, Nicaragua's elite aim to unseat Ortega. *Reuters*. 22.11.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-nicaragua-politics-ortega-insight-idUSKBN1XW150> (accessed 29.12.2022).

21. Breda, Tiziano. A Thaw or a Trap? Nicaragua's Surprise Return to Negotiations. *International Crisis Group*. 06.03.2019. Available at: <https://www.crisisgroup.org/latin-america-caribbean/central-america/nicaragua/thaw-or-trap-nicaraguas-surprise-return-negotiations> (accessed 30.02.2023).

22. Bravo, Josué. Familia Ortega monopoliza medios de comunicación en Nicaragua. *Diario las Américas*. 24.01.2015. Available at: http://www.diariolasamericas.com/4849_centro-america/2965310_familia-ortega-monopoliza-medios-de-comunicacion-en-nicaragua.html (accessed 30.02.2023).

23. Carlos Pellas recibe el primer gran golpe tras la crisis de 2018. *Nicaragua Investiga*. 21.07.2022. Available at: <https://nicaraguainvestiga.com/economia/89063-golpe-a-carlos-pellas/> (accessed 08.02.2023).

Mikhail I. Rykhtik (rykhtik@imomi.unn.ru)

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of History and Theory of International Relations, Director of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Ulyanov str., 2, 603005 Nizhny Novgorod, Russian Federation

Sergey V. Usachev (usach.ser@gmail.com)

Postgraduate student, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Ulyanov str., 2, 603005 Nizhny Novgorod, Russian Federation

The profile of Nicaragua's economic elite. The limits of political influence during the presidency of D. Ortega

The article studies the dynamics of Nicaragua's economic elite which helps to define it and assess its ability to influence political process of the country. The analysis of the evolution of Nicaraguan big business reveals its high adaptability to ever-changing social conditions. As a result, the reaction of economic elite to the Sandinista revolution demonstrates its strategy and tactics concerning restructuring of the assets. The authors pay special attention to the Supreme Council of Private Enterprise (*Consejo Superior de la Empresa Privada, COSEP*) which serves as a main representative of collective interests of the Nicaraguan capital. The article examines the relationship between the left-wing radical partisan Sandinista National Liberation Front (*Frente Sandinista de Liberación Nacional, FSLN*) and national elite as well. It has transformed from hostile confrontation at the end of 20th century to a tactical alliance in the 2010s. The article concludes with an analysis of existing tensions between Sandinistas and big business as well as the prospects for the transition of power in Nicaragua.

Key words: economic elites, Nicaragua, Sandinistas, big business, Daniel Ortega.

DOI: 10.31857/S0044748X0025402-1

Received 10.12.2022.